

В.Д. Чусова

«Отечески Пенаты» в судьбе и творчестве К.Н. Батюшкова

С ним дружен бог войны,
С ним дружен Апполон!
Певец любви, отважный воин,
По дарованиям достоин славы он
По сердцу счаствия достоин.

В. Жуковский

Вологодский край — родные места самобытного российского поэта К.Н. Батюшкова.

Вологда — город, где он родился 18 (29) мая 1787 года. Константин Николаевич Батюшков принадлежал к старинному дворянскому роду, который, по семейному преданию, вёл своё начало от татарского хана по имени Батыш, принявшего православие и присягнувшего на верность Московскому государству. Потомки Батыша стали именоваться Батышковыми, позднее — Батюшковыми. Эта фамилия известна в истории государства Российского со времён Ивана Грозного. Батюшковы, на протяжении столетий достойно служа отечеству, прославились как на военном, так и на дипломатическом поприщах, за что неоднократно были жалованы поместьями, в том числе сельцом Даниловским Бежецкого уезда Тверской губернии (ныне — село Даниловское Устюженского района Вологодской области).

Отец поэта, Николай Львович, служивший прокурором в Великом Устюге, Вологде

и Вятке, вышел в отставку в 1795 году и жил безвыездно в имении Даниловское.

Мать, Александра Григорьевна, происходила из вологодского дворянского рода Бердяевых, «который ведёт своё начало от Якова Васильевича Бердяева, выехавшего в Смоленск из Польши во второй половине XIV века» (С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук).

Александра Григорьевна, выйдя замуж за устюженского помещика Н.Л. Батюшкова, жила то в Великом Устюге, то в Вологде, то в Вятке в связи с переводом мужа, губернского прокурора. В семье Николая Львовича и Александры Григорьевны было пятеро детей: четыре дочери (Анна, Елизавета, Александра, Варвара) и сын Константин. В Вологде прошли первые годы детства будущего поэта, о которых воспоминаний, к сожалению, не сохранилось. С этим городом связаны и последние годы жизни К.Н. Батюшкова. В 1821 году наследственная душевная болезнь настигла его. По возвращении в Петербург из Италии, где он служил по дипломатической

части, К.Н. Батюшков лечился на Кавказских водах (г. Симферополь), в Саксонии (Германия), но все усилия оказались тщетными.

С 1833 года он жил в Вологде на попечении родственников. Там же поэт завершил свой бренный путь в 1855 году.

Среди батюшковских святынь на Вологодчине Череповецкое Хантаново занимает особое место. Это родовое имение Александры Григорьевны Батюшковой (урожденной Бердяевой) принадлежало вологодским помещикам Бердяевым, чей род был известен своими успехами на военном поприще.

Откуда же возникло такое необычное название поселения — Хантаново (Хан-таново)? Предположительно, поселение Хантаново возникло не ранее середины XVII века, о чём свидетельствует запись в книге «Родословие вологодской деревни».

Среди старожилов сохранилась интересная легенда о возникновении названия: «Ехал хан по имени Тан, остановился на красивом холме. Место ему так понравилось, что он остался здесь жить... Позднее появилась деревня под названием Хантаново». Легенда не имеет исторического обоснования, однако, как говорят, «миф прочнее стали», и она передается из поколения в поколение.

Впервые Константин Николаевич Батюшков вместе с незамужними сёстрами: Александрой и Варварой — приехал в сельцо Хантаново Пошехонского уезда Ярославской губернии близ города Череповца в августе 1807 года. Тогда, вернувшись из Пруссского похода в Даниловское, он узнал о решении отца вступить в брак с устюженской помещицей А.Н. Теглевой. Боясь остаться «ни причем», дети настояли на разделе имения.

«Хлопоты по разделу имения продолжались больше года, и поэт, оказавшийся единственной надеждой сестёр, активно в них включился... 12 июня 1808 года в уездном суде происходит раздел имения между ним и отцом. Поэт Батюшков стал помещиком. Начались хлопоты, отнюдь не поэтические» (В.А. Кошелев). Двухэтажный деревянный дом был старым, ветхим, «поминутно грозил разрушением», и это беспокоило его. В письме от 12 апреля 1809 года он писал сестре Александре из Надендаля, где продолжал нести военную службу: «Будучи за двести вёрст, я не могу давать советов, но если бы вы построили дом в Хантанове, это бы не помешало; стройте для себя, какой заблагорассудите. Но деньги небольшие на это нужны. Лучше рано, нежели поздно иметь верный приют ... С каким удовольствием я бы возвратился под сень домашних богов!». Однако строительство дома затягивалось: мешали экономические неурядицы, справляться с которыми ни поэт, ни его сёстры не умели. И только в 1815-1816 годах старый дом не без усилий самого Батюшкова был подновлён и перестроен «неким местным архитектором из двухэтажного в одноэтажный...» (В.А. Кошелев). Располагался он на высоком холме, откуда открывался живописный вид на величавую Шексну-реку и безбрежные леса.

Главной достопримечательностью усадьбы был образцовый парк, настоящее произведение искусства. Судя по отрывочным фразам из писем К.Н. Батюшкова и его сестёр, он был разбит в 1813 году. Особую привлекательность придавала парку террасность. Декоративные уступы, вырытые вручную крепостными крестьянами в XVIII веке, создавали романтиче-

скую атмосферу, отвечающую миоощущению поэта. На верхнем уступе располагался господский дом. За домом липовая аллея. По свидетельствам жителей Хантанова, дорожка между рядами лип была посыпана жёлтым песочком. За липовой аллеей простирались барские луга. По краю первого уступа росли кусты сирени, орешника, жимолости, чайного дерева. По воспоминаниям жителей Хантанова (Беловой Т.В., Фоминых Н.В.), по планам, составленным ими, очень красивым был второй уступ, на который с первого вела деревянная лестница с ажурными перилами. Второй уступ был большим цветником, разбитым по образцу версальских садов. Старожилы тепло вспоминают о дорожках, посыпанных жёлтым песочком, о клумбах, на которых росли «диковинные цветы»: аквилегии, китайский мак, ромашки, розы.

На самом краю уступа была деревянная «беседка муз», которая, судя по письмам и стихам поэта, была идеальным приютом для размышлений, чтения, творчества. В стихотворении «Беседка муз» К.Н. Батюшков отдал дань благодарности «поэтической обители», где он «воскресал душой», пропел гимн поэзии, которая его «спасала», как «ангел-утешитель»:

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и Муз,
и Граций,
Сопутницу жизни молодой.
Спешу принести цветы, и ульев
сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Нижний, третий уступ был парком в английском стиле. «Клены диковинные, липы рядочками посаженные, сирень..., а поодаль — крупный ельник, голубые ели рядами».

Нижняя терраса радовала обилием цветов: белые и красные розы, синие, белые, розовые колокольчики оставили в душе поэта неизгладимые впечатления. Неслучайно в его стихах можно часто встретить образы цветов. Сад заканчивался рукотворным прудом прямоугольной формы. «В его светлой ключевой воде в свое время разводили карасей особенной «золотистой» породы. «При жизни барина, — рассказывали старожилы, — здесь была лодка, на ней каталась баре». Помимо большого пруда, в барской усадьбе было еще три, один из которых сохранился до наших дней.

Парк был с трех сторон обнесен рвом, по краям которого росли серебристые вербы, черемухи, рябины.

Строительство дома, благоустройство парка были постоянной заботой К.Н. Батюшкова. Когда строительство дома шло к завершению, он заказал в Каменце-Подольском «материи на софы и стулья турецкой». После кончины сестры Анны, советуясь с Александрой Николаевной, пишет: «...не нужны ли Вам... мебели красного дерева... возьми их, любезный друг, первое — потому что они годятся для дома, а второе — потому что они некогда принадлежали сестре, и нам ее напоминать будут».

В материнскую обитель он приезжал отдохнуть от житейских и военных битв. Некоторые исследователи считают, что финансовые затруднения были причиной его порой длительного пребывания в Хантанове. Это действительно так. В письмах часто встреча-

ются слова, далеко не поэтические: «долг», «заём», «ломбард». Сам Батюшков называет и другую причину. В письме сестре Александре он пишет: «Спокойствие, и особенно спокойствие душевное, вот лекарство, для меня необходимое». О сердечной привязанности К.Н. Батюшкова к Хантанову ярко говорят строки его писем к сестрам, друзьям, написанные в разные годы.

Батюшков — сестре Александре, 3 апреля 1816. Из Москвы в Хантаново: «Достань на весну роз, если можно, и проси Ивана — садовника моим именем, чтобы он постарался за цветами; не прислать ли тебе семян цветочных?...»

Батюшков — поэту Василию Жуковскому, июнь 1817 г. Из Хантанова: «Благодаря Пророчеству, у меня беседка в саду... с балкона вид прелестный: река, лес, одним словом: прелесть».

Батюшков — Гнедичу, май 1817. Из Хантанова в Петербург: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу... Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика...».

В июле 1817-го года К.Н. Батюшков пишет Е.Ф. Муравьевой из Хантанова: «Теперь здесь стало полегче: воздух, ванны и верховая езда меня воскресили».

Начиная с 1807-го года по 1818-ый, Батюшков постоянно стремился в Хантаново, «жил подолгу и весьма основательно»:

в 1809 г.: со второй половины июля до начала декабря;

в 1810 г.: со второй половины июля до конца декабря;

в 1811 г.: с конца июня до начала января 1812 г.;

в 1815 г.: с начала апреля до 8 июня;

В 1816 г.: в конце декабря;
в 1817 г.: с начала января до начала августа.

Дом в Хантанове — хранитель памяти о предках. К.Н. Батюшкову не было восьми лет, когда матери не стало (21 марта 1795 года). В элегии любимого им итальянского поэта Торквато Тасса «Умирающий Тасс» есть строки, которые вполне можно соотнести с переживаниями К.Н. Батюшкова:

...Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладости объятий и лобзаний:
Ты помнишь, сколько слёз младенцем
пролил я?

Эти чувства владели К.Н. Батюшковым в течение всей жизни. Впоследствии материнский Дом постоянно влек его к себе.

Именно эта усадьба связывалась в его поэтическом сознании с «Отеческими Пенатами», здесь он создал лучшие свои произведения. Неслучайно в это время тема Дома нашла отражение в его стихах.

В послании «Мои Пенаты», написанном в Хантанове, называя дом то «хижиной», то «уголком», то «шалашом», поэт в то же время выделяет предметы, напоминающие ему о дорогих людях:

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаражавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,

*Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!
Скудель!.. но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..*

Содержание писем позволяет судить о К.Н. Батюшкове как о человеке добром, благородном, способном искренне любить близких. Между ним и сестрами царила атмосфера теплоты, взаимопонимания. Где бы он ни находился, мысль о сестрах была постоянной его спутницей. В 1808 году он пишет сестре Александре: «У меня сердце кровью обливается, как подумаю о вашей участи». Будущее младшей сестры Вареньки глубоко волнует его: «Одна мысль меня беспокоит и огорчала даже на походах: участь Вареньки. Я назову тот день счастливым, когда она выйдет замуж, и заклинаю вас всех именем Неба не пропустить случая!..». В утешение он дарит Вареньке бриллиантовый перстень, полученный им в дар от Государыни Марии Федоровны за маленькую драму, написанную для праздника в Павловском в 1814 году. К Александре Николаевне он обращается не иначе, как «милый друг», «милый мой добрый ангел», спешит порадовать ее в письме от 19 апреля 1816 года: «Посылаю тебе тафты самой модной полосатой; жаль, что не успел к праздникам; но для тебя все равно: ты и в будни щеголять любишь». После смерти отца он спешит из Хантина в Москву, чтобы устроить сводного брата Помпея в пансион, просит сестру Александру взять на попечение сводную сестру Юлию.

Благородство, доброта Батюшкова раскрываются и в отношении к крестьянам. Се-

стре А.Н. Батюшковой он пишет из Петербурга: «Судьба подчиненных мне людей у меня на сердце. При том же, как мне ни нужны деньги для уплаты долгу и затем, чтобы жить здесь по ужасной дороговизне, но я всё боюсь отяготить крестьян. Дай бог, чтоб они поправились! Если б в моей то было воле, я не пощадил бы издержек, чтоб устроить их лучше».

С Хантиным у Батюшкова было не только семейное, но и духовное родство. Участие в петербургских пансионах, он познавал основы мировой культуры. Литературные интересы поэта не ограничивались творчеством. К.Н. Батюшков относился к тем русским поэтам, которые стремились в «просвещении встать с веком наравне». Его образование было классическим, образцовым: помимо знания европейских языков и литературы, он в совершенстве владел латынью и античной культурой. В тишине «единенных полей» он много времени уделял чтению. Список любимых поэтов и писателей разнообразен: древнегреческие авторы (Гомер, Пиндар, Анакреон), римские поэты (Вергилий, Гораций, Тибулл), итальянские классики (Петрарака, Тассо), мыслители (Руссо, Монтескье, Вольтер), французские поэты (Грессе, Парни).

В «Череповец Новгородской губернии» шли журналы, книги выписные, письма известных всей России поэтов — друзей Батюшкова: П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Н.И. Гнедича. «Книги выписные» упоминаются неслучайно. К.Н. Батюшков с юности был одержим страстью к чтению. В пятнадцатилетнем возрасте, учась в пансионе, он просит отца (11 ноября 1801. Петербург) прислать ему книги на русском, немецком, французском языках, лексиконы, предлагая продать отцовский телескоп и «купить книги».

Впоследствии в Хантанове он собрал замечательную библиотеку и очень беспокоился о ее сохранности. В письме к А.Н. Батюшковой от 19 апреля <1816. Москва> он пишет: «Книги, бога ради, книги мои все собери из Вологды, до последней книжечки».

Батюшков оставил после себя уникальное эпистолярное наследие (более четырехсот писем). В них ощущается шум Времени: исторические события, связанные с Отечественной войной 1812-1814 годов, литературная жизнь в России. Письма К.Н. Батюшкова, как и его стихи, содержат бесценный материал для постижения личности и судьбы поэта. В стихотворении «К друзьям» он так пишет об этом:

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может
драгоценен.

Я добрым гением уверен,
Что в сем Дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои, в замену,
чувствия,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял...

В письмах раскрываются и характерные черты его личности. Батюшкову свойственно преуменьшать как успехи в военном деле (хотя после первого похода император в «Рескрипте» отмечал его «отменную храбрость»), так и в творчестве. В письме Н.И. Гнедичу <Август 1811. Хантаново> чи-

таем: «Я имею маленьку философию, маленькую опытность, маленький ум, маленькое сердчишко и весьма маленький кошелек. Я покоряюсь обстоятельствам, плыву против воды, но до сих пор, с помощью моего доброго Гения, ни весла, ни руля не покинул». Батюшков самокритичен и ироничен. Вот как он описывает в письме Н.И. Гнедичу свой распорядок дня в Хантанове:

«В сутках двадцать четыре часа.

Из оных 10 или 12 пребываю в постеле и занят сном и снами.

Ibid...

1 час курю табак.

1 — одеваюсь.

3 часа упражняюсь в искусстве убивать время, называемом *il dolce far niente*.

1 — обедаю

1 — варит желудок.

1/4 часа смотрю на закат солнечный.

Это время, скажешь ты, потерянное. — Неправда. Озеров всегда провожал солнце за горизонт, а он лучше моего пишет стихи, а он деятельнее и меня, и тебя.

3/4 часа в сутках должно вычесть на некоторые естественные нужды, которые г-жа природа, как будто в наказание за излишнюю деятельность героям, врагам человечества, бездельникам, судьям и дурным писателям, для блага человечества присудила провождать в прогулке взад и назад по лестнице, в гардероб и проч., и проч., и проч. О, *humanite!*

1 час употребляю на воспоминание друзей, из которого 1/2 помышляю об тебе.

1 час занимаюсь собаками, а они суть живая практическая дружба, а их у меня, по милости небес, три: две белых, одна черная. P.S. У одной болят уши, и очень, бедняжка, трясет головой.

1/2 часа читаю Тасса.

1/2 — раскаиваюсь, что его переводил.

3 часа зеваю в ожидании ночи.

Заметь, о мой друг, что все люди ожидают ночи, как блага, все вообще, а я — человек!

Итого 24 часа».

Друзья в письмах постоянно напоминают К.Н. Батюшкову о главном его предназначении — творчестве. Юный критик А.С. Пушкин в стихотворении «Тень Фонвизина» (1815) упрекает Батюшкова в том, что он «нежится, забыв совсем, что он пишет», а между тем именно в этом году вышло пятнадцать его произведений в стихах и восемь в прозе. Сам поэт состояние, владевшее им, объясняет так: «И впрямь, что значит моя лень? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает». К.Н. Батюшков, живя в Хантанове, далеко от обеих столиц, активно участвует в литературной жизни. Друзья (П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич) постоянно сообщают ему о литературных новостях. Бывая в Москве, Батюшков посещает заседания «Вольного общества любителей российской словесности» при Московском университете, на одном из них выступает с лекцией «О влиянии легкой поэзии на язык». В Петербурге на заседании общества «Арзамас», членом которого он был избран заочно, выступает с речью о секретаре Российской Академии П.И. Соколове.

Поэт с увлечением изучает «Опыты Монтеня» переводит отрывки из поэмы Торквато Тасса «Освобожденный Иерусалим», много размышляет над тем, как придать русскому языку «людскости», ясности, гармонии со смыслом. Итогом размышлений о современ-

ной поэзии и языке стала сатира, принесшая ему всероссийскую славу «Видение на брегах Леты», в которой он обрекает на забвение поэтов-шишковистов, «жарких патриотов» (С.Н. Глинка), «новаторов» (С.С. Бобров, Д.И. Языков). И только «ленивец» Крылов был «удостоен» Батюшковым бессмертия, который сам к этому никогда не стремился.

«Видение» было восторженно принято в Москве. Быстро разошедшееся в списках, оно принесло Батюшкову широкую известность в литературных кругах.

В 1807 году после бурных военных баталий иногда тишина мирной жизни в Хантанове вызывала у поэта скуку. В письме к Гнедичу от 01 июня 1808 года из Хантанова он пишет:

Иль можно петь моей цевнице
В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии прийти младой.

Однако житейский опыт, семейные заботы «примирили» его с деревенским уединением. Чтение, письма друзей о литературных новостях благотворно сказались на его творчестве. Здесь рождались замыслы новых произведений.

В 1809 году, увлеченный «легкой поэзией», Батюшков испытывает творческий подъем. В письме Гнедичу от 06 сентября 1809 года он пишет: «Стихи свои переправил так, что самому любо. Право, лучший судья, после двух или трех лет, сам сочинитель, если он не заражен величайшим пороком и величайшей добродетелью — самолюбием».

В 1810-1811 годах он живет по полгода в Хантанове, наслаждается свободой, общением с родными, природой, книгами, а в пись-

мах обменивается впечатлениями с друзьями. Дружба с Н.М. Карамзиным, П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, Н.И. Гнедичем благотворно сказалась на творчестве Батюшкова. В стихах, написанных в 1810-1811 годах, поэт, убежденный в том, что человек создан для счастья, воспевает свободу, безмятежность, дружбу, любовь.

В Хантанове Батюшковым были созданы наиболее значительные произведения: поэзия «Мои Пенаты», сатирическая поэзия «Видение на берегах Леты», поэма «Странствователь и дососед», лирические стихи, эпиграммы, проза, переводы, в том числе элегия «Умирающий Тасс». «Именно там, один в своем домике» он поставил множество новых проблем для русской литературы и основал новые жанры её. Там у него и «стихи текли сами собою», и проза «сама собою складывалась». Стихи К.Н. Батюшкова вызывали восторг у современников.

В.А. Кошелев отмечает: «Это было время высокого творческого взлета Батюшкова, пришедшей к нему уверенности в самостоятельности и самобытности его таланта. Поэт не только подводил итоги сделанному, но и смело прокладывал дорогу новому в русской поэзии».

Связь усадьбы с творчеством Батюшкова несомненна. Здесь зародилась любовь поэта к русской природе, которая органично вошла в его творчество.

Своеобразная природа Хантанова с ее раздольем одуванчиковых лугов, живописными террасами, прохладными оврагами, в которых в конце мая, когда луга пестрят цветами, лежит снег, с великолепным парком — образцом парковой культуры XIX века, вызвала у поэта признание:

В красе божественной любимцу своему,
Природа! Ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась...
(Послание И.М. Муравьеву-Аpostолу)

Особенной, сыновней, любовью к природе наполнены строки стихотворения «Есть наслаждение и в дикости лесов...»:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов,
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных
слов,
И как молчать об них — не знаю.

О сердечной привязанности Батюшкова к «Отеческим Пенатам» вологодский поэт XIX века Федор Петрович Савинов писал:

Любил он наш Север, природу родную,
«Светила любезного» сердцу искал,
И грусть, и печали, и душу больную
Лишь только в родимом краю врачевал.
Он странствовал много и часто
при жизни,

Отторженный рано от дома судьбой,
Но с юга, прекрасного юга, к отчизне,
К любимым пенатам он рвался душой...

В заботах о материнской обители, о сёстрах укреплялась и его любовь к Отечеству. В 1807 году, едва оправившись от тяжелой

раны («еле живого его вынесли с поля боя»), полученной в сражении под Гейльсбергом, в «Воспоминании» (1808) он пишет:

О Гейльсбергски поля! О холмы
возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною
освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал...

Думы о родине не оставляли Батюшкова и во время победоносного похода против шведов (1809). Разделяя радость победы русского воинства, он с болью пишет: «Здесь мы победили; но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы!». Этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа — и смерть!». В систему ценностей земной жизни у Батюшкова входит образ Родины, родной земли, отечества. Родина и домашние боги для него — последний якорь спасения:

Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья...

Эти лирические переживания нашли отзвуки и в его переписке, где постоянно возникают образы русской природы, русского бытия.

Можно с уверенностью говорить о том, что, благодаря общению с природой в родном Хантове, так ярко и сильно выражено чувство родины в стихотворении «Пленный», герой которого просит вернуть ему «край отцов». Русский воин, оказавшись на чужбине, равнодушно воспринимает красоту окружающей природы («мирт душистый расцветает», «на горах роскошно зреет янтарный янаград»), он грезит о далекой родине:

Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.
Отдайте же мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны выюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!..

Чувством любви к родине пронизаны строки К.Н. Батюшкова, посвященные Москве и Петербургу. Петербуржец по образованию и воспитанию, он с чувством гордости пишет: «Надобно расстаться с Петербургом... надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите — какое единство! как все части отвечают целому! Какая красота зданий, какой вкус и в целом разнообразие происходящее от смешения воды со зданиями. Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке!» («Прогулка в Академию Художеств»).

Всем сердцем полюбивший Москву, он в хвалебном тоне пишет о Кремле о любимых москвичами пресненских прудах, которые «украшают город и делают прелестное гуляние... Посмотри, как эти решетки красивы. Жаль, что берега, украшенные столь миловидными домами и зеленым лугом, не довольно широки. Большое стечеие экипажей со всех концов обширного города, певчие и роговая музыка делают гульбище одним из приятных» (<<Прогулка по Москве>>).

Когда отечество бывало в опасности, К.Н. Батюшков, не раздумывая, вставал в ряды его защитников. Так было и во время Отечественной войны 1812 года. Из-за болезни он не смог принять участия в Бородинском сражении, о чем с горечью писал своему боевому товарищу Ивану Петину: «В первый раз я позавидовал тебе». Сопровождая семью двоюродного дяди М.Н. Муравьева из Москвы в Нижний Новгород, он был поражен видом сожженного и разграбленного города. В письме к Н.И. Гнедичу <Октябрь 1812. Нижний Новгород> он пишет: «При имени Москвы, при одном названии нашей доброй, гостеприимной каменной Москвы, сердце мое трепещет, и тысяча воспоминаний, одно другого горестнее, волнуются в моей голове. Мщения! мщения! Варвары! Вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии...».

Боль, гнев, потрясение, пережитые Батюшковым в Москве, он выразил в элегии «К Дашкову», где поэт отказывается воспевать ...любовь и радость,

Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..

Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести

*И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сокнутым строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!*

В письме к П.А. Вяземскому из Петербурга в первой половине июля 1812 года Батюшков пишет: «Если бы не проклятая лихорадка, то я полетел бы в армию... мне же не привыкаться к войне. Да, кажется, и долг велит защищать Отечество и Государя нам, молодым людям». Пережив радость победы над французами, он создает стихи и прозу патриотического содержания («К Никите», «Переход через Рейн» и др.).

В письме к Н.И. Гнедичу от 16 января 1814 года Батюшков пишет: «Итак, мой милый друг, мы перешли через Рейн, мы во Франции... Эти слова: мы во Франции — возбуждают в моей голове тысячу мыслей, в которых результат есть тот, что я горжусь моей родиной». Об этом событии «лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное (А.С. Пушкин)». Оно о единении народов России перед лицом опасности. Строки стихотворения «Переход через Рейн» ярко передают состояние радости и скорой победы:

*И час судьбы настал! Мы здесь,
сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой
и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,*

От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!.
Стеклись, нагрянули, за честь
твоих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив
опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство
россиян;
Где ангел мирный, светозарной,
Для стран полуночи рожден,
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь
блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней
ржанье,
«Ура» победы и взвыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.
Какой чудесный пир для слуха и очей!

К.Н. Батюшков возвращался в Россию с надеждой на грядущие перемены в обществе и в личной жизни. Однако надежды на благополучное завершение военной службы, обретение личного счастья и мира в душе не оправдались. В 1815 году настроение его резко меняется. Батюшков переживает острый душевный кризис. В мировоззрении К.Н. Батюшкова наметился переворот, вызванный личной драмой. Воспоминания о

недавнем прошлом сливаются с образом любимой девушки:

...Средь бурей жизни и недуг!
Хранитель ангел мой, оставленный
мне Богом!
Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного...
Я с именем твоим летел под знамя
брани
Искать иль славы, иль конца;
В минуты страшные чистейших сердца
дани
Тебе я приносил на Марсовых полях;
И в мире, и в войне, во всех земных краях
Твой образ следовал с любовью за мною,
С печальным странником
он неразлучен стал.

Близкие люди склонили А. Фурман к согласию на брак, но она честно сказала поэту, что вручает ему свою судьбу, но не сердце. И сам он почувствовал в ее согласии «следы сердечного терзанья». Батюшков благородно отказался, и с этих пор неразделенная любовь стала его трагедией:

Есть странствиям конец — печалим
никогда!
В твоем присутствии страдания и муки
Я сердцем новые познал
Они ужаснее разлуки...

В отношениях с Анной Фурман Батюшков не чувствовал взаимности. В письме к А.Ф. Муравьевой он пишет: «Для чего я буду искать теперь чинов, которых я не уважаю, и денег, которые меня не сделают счастливым? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить под одною кровлею в

нищете, без надежды?.. Нет, не соглашусь на это...». Можно себе представить, какую боль испытал Батюшков, отказываясь от той, которая вдохновляла и спасала его «среди военных непогод». Об этом говорят строки стихотворения «Мой гений»:

О, память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И уладит печальный сон.

Личная драма (разрыв с Анной Фурман), житейские неурядицы и неустроенность по службе стали причиной страннического образа жизни поэта. Помимо поездки в Тихвин на богомолье, он живет то в Петербурге, то в Хантанове, то в Каменце-Подольском, где безуспешно ходатайствует о переводе в гвардию. Наконец, в августе 1816 года получает перевод в гвардию, но резко меняет планы: хлопочет об отставке и получает «невыгодную отставку» в чине коллежского асессора.

Если раньше он считал, что «светское образованное общество есть лучшая школа для писателя», то теперь (1816) он думает иначе: «Жить в обществе, носить на себе тяжелое

ярмо должностей, часто ничтожных и суетных, и хотеть согласовывать выгоды самолюбия с желанием славы есть требование истинно суетное». В конце 1816 года он спешит в Хантаново, чтобы провести там зиму и весну «во спасение души, тела и кармана». И теперь уже хозяйственные заботы, деревенские хлопоты не вызывают в нем раздражения. В январе 1817 года К.Н. Батюшков пишет П.А. Вяземскому: «Теперь начинаю отдыхать, раскладывая мои книги... если здоровье позволит, то примусь за стихи». В это время в его творчестве появляются философские и религиозные размышления («К другу», «Ты знаешь...», «Надежда»), мотивы трагической любви («Разлука», «Пробуждение», «Элегия»), разлада художника-творца с окружающим миром («Гезиод и Омир, соперники», «Умирающий Тасс»). В стихах Батюшков изливает свои тревожные и печальные чувства, безысходные страдания. Он пытается забыть прекрасную мечту и находит забвение в вере. Эта тема является основной в элегии «Надежда» (1815):

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпеньи камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной

*И в буре пламенных страстей
Мой был Вожатый неизменной?*

Он! Он! Его все дар благой!..

К.Н. Батюшков трепетно и ответственно относился к своему творчеству. Это особенно проявилось в период подготовки книги, над составлением которой он напряженно работал. Не робевший в «военном деле» на бранном поле, К.Н. Батюшков падает духом, когда речь заходит о его творчестве. Вот только некоторые сомнения, выраженные в письмах к друзьям:

В.А. Жуковскому <июнь 1817. Хантаново>: «Что скажешь о моей прозе? С ужасом делаю этот вопрос. Зачем я вздумал это печатать. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне и в мире на большой дороге... Если Бог позволит предпринять другое издание, то я все переправлю; может быть, напишу что-нибудь новое. Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить».

Н.И. Гнедичу <начало сентября 1816. Москва>: «Том прозы будет интересен... Надеюсь, что моя книга будет книга, если не прекрасная, то не совершенно бездельная».

<Вторая половина января 1817. Хантаново>: «Все прекрасное мое — мое собственное. Я могу ошибаться, ошибаюсь, но не лгу, ни себе, ни людям. Ни за кем не брожу: иду своим путем. Я в снегах: около меня снег и лед. Здоровье плохо, очень плохо, но я тружусь и исполню обещание, пришлю стихи. Портреты никак! На место его виньетку».

<Март 1817. Хантаново>: «Полагаю, что том прозы будет жидкок... Будешь ли доволен

стихами. Размешай их, как хочешь... Если есть глупые стихи, выпиши их, я постараюсь поправить... Если бы война не убила моего здоровья, то чувствую, что написал бы что-нибудь получше. Но как писать? Здесь мушка на затылке, передо мной хина, впереди ломбард — сзади три войны с биваками».

Книга «Опыты в стихах и прозе» (1817) была встречена доброжелательно. Получив одобриттельный отзыв от И.И. Дмитриева, К.Н. Батюшков пишет ему в августе 1817 года из Даниловского: «Большая часть моей книги писана про себя. Я хотел учиться писать и в прозе заготовлял воспоминания или материалы для поэзии. Сам не знаю, как я решился напечатать это». А.С. Пушкин, один из самых заинтересованных читателей К.Н. Батюшкова, оставил о них восторженные отзывы: «прекрасно», «смело и счастливо», «очень мило», «что за чудотворец этот Батюшков! Звуки итальянские!».

1817 год завершался для К.Н. Батюшкова признанием военных и творческих заслуг. Из письма начальника штаба гвардейского корпуса генерала Н.М. Синягина к Батюшкову, 17 октября 1817:

«Читая с особенным удовольствием прекрасные ваши «Опыты в прозе и стихах», обратившие внимание всех любителей отечественной словесности, не мог не отдать я всего должного Вам уважения. Побуждаясь чувством и тем, что вы сами служили в военной службе, препровождаю при сем от имени членов Общества военных людей... диплом на звание почетного члена сего Общества, краткое начертание военного журнала, вышедшие книжки оного и билет на получение остальных». В ноябре 1817 года последовала

награда «Императорской публичной библиотеки почетному библиотекарю г. колледжскому асессору и кавалеру Батюшкову».

По изъявленному Вами мне желанию посвящать досуги ваши пользу Императорской публичной библиотеки и во уважение трудов ваших, делающих честь нашей отечественной словесности, я принял вас в число почетных библиотекарей оной библиотеки...

Императорской публичной библиотеки
директор тайный советник А. Оленин»

В марте 1817 года К.Н. Батюшков писал В.Л. Пушкину: «Ваши сочинения принадлежат славе, со мною будет иначе: ваши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы».

Предположение поэта не оправдалось. Не оставляют память о нем и любовь людская. Подтвердилось предположение поэта Геннадия Иванова:

«О, память сердца! — это на века.
А «Изречение Мельхиседека»...
Не поглотит его времен река
Ни как поэта, ни как человека.

Добрую память оставила семья Батюшковых у потомков тех, кто когда-то пользовался вниманием и заботой поэта и его сестер. Вспоминают старожилы села Хантанова:

А.И. Попова: «...осенью, когда были сделаны все домашние дела, ходили к барам, трепали, мяли, чесали, пряли и ткали лен. Во время этих работ пели песни, частушки. Кто-то приходил с балалайкой или гармошкой. Было очень весело. Работалось легко. За работу баре платили хорошо и голодными после работы никогда не отпускали: кормили досытно и поили чаем из само-

вара. Бар очень любили, так как они были добрыми....».

Н.В. Фоминых: «Батюшковых помнили как добрых барина и барыню: бедным давали обувь, в 1861 году все дворовые были отпущены на волю, а на постройку домов был выделен лес».

Дальнейшая судьба усадьбы складывалась драматично. После кончины младшей сестры поэта Варвары Николаевны Соколовой (1881 г.) усадебный флигель, «снаружи обшитый досками и крашенный голубой краской», был продан крестьянину Петру Максимову и перевезен в деревню Хантаново, где стоял до начала 50-х годов XX века. На территории усадьбы долго сохранялись следы от фундаментов и дома, и флигеля, и хозяйственных построек.

Единственная опись Хантановской усадьбы, которую удалось отыскать в архивах ИРЛИ сотрудницей краеведческого музея Н.П. Морозовой (публикация В.А. Кошелева), датируется 3 июня 1842 года. Она была составлена в связи с кончиной сестры Александры Николаевны Батюшковой в 1841 году. В ней подробно описано имущество, строения, среди которых особый интерес вызывает описание господского дома: «Господский деревянный одноэтажный дом мерою в длину на 7, а по переде на 7 саженях с двумя крыльцами».

В настоящее время сохранился только ландшафтный облик парка: высокий холм, на котором стоял барский дом, террасы (уступы), пруд искусственный, прямоугольной формы, выкопанный вручную крепостными крестьянами, гранитный камень.

Разорение, постигшее усадебную культуру в советский период, коснулось и Ханта-

нова. «Катком» прошел по усадьбе злой рок послереволюционных преобразований. Надо учесть и то, что в данном случае вмешались исторические обстоятельства. Прекрасный парк уничтожался в течение нескольких десятилетий. Вот что рассказывают старожилы об этом: « В предвоенные годы на территории парка была колхозная пасека, пасечником работал С.М. Лапин (сын дворового скотника Митрофана), он очень любил барский парк, заботился о нем, пытался сохранить редкие деревья, рассказывал о том, откуда они были завезены» (А.П. Жданов).

Великая Отечественная война 1941–1945 годов принесла огромное количество разрушений, в том числе и литературных святынь. В начале войны была уничтожена главная привлекательность верхней террасы — аллея лип. Они были «толстые и высокие», «когда забирались на липу, был виден город Череповец», то есть «хороший ориентир для бомбежек» (А.И. Попова). Уничтожение парка продолжилось в 1946 году. Жившие на ферме пленные немцы, по рассказам старожилов, вырубали деревья для отопления. Местные жители рассказывали, что еще в 70-х годах на территории бывшей усадьбы находилась часть хозяйственных построек, было много кустов, деревьев, сохранялась тропинка к пруду. А в 1974 году «не по злому умыслу, а по незнанию» уникальный памятник парковой культуры XIX века был распахан, превратился в поле, засеянное льном, хотя рядом, вспоминают старожилы, были заброшенные поля и не всегда успевали убирать урожай.

В 1974 году исчезли и украшавшие когда-то парк три уступа, их распахали. Когда готовили пашню под лен, камень со второго

уступа сбросили в ров. Землеустроители по просьбе А.А. Лапина, потомка бывших дворовых, служивших у Батюшковых, достали камень из рва и установили на границе усадьбы. Как известно, «камень во многих культурах — обозначение прочности и долговечности и символ божественной власти... На Древнем Востоке камень был знаком божественного присутствия». И теперь он, как полноправный хозяин, встречает гостей, приезжающих на экскурсии, на праздник «Отечески Пенаты».

Судьба разоренной дворянской усадьбы, которая была для поэта уголком приюта, «Отеческими Пенатами», волновала литературную общественность всей Вологодчины.

В 1975 году при Череповецком педагогическом институте под руководством доктора филологических наук, профессора В.А. Кошелева образовалась проблемная группа по изучению жизни и творчества К.Н. Батюшкова. Члены ее публиковали статьи, посвященные «хантановскому» периоду жизни поэта, активно участвовали в подготовке собрания сочинений Батюшкова, собрали многие архивные материалы, документы, рисунки, письма.

В конце 80-х годов появилось несколько книг и статей ученых: Кошелева В.А., Лазарчук Р.М., Морозовой Н.П. Жизнь и творчество К.Н. Батюшкова, историю и фольклор Хантанова изучали учащиеся Мяксинской школы (учитель Н.А. Бахарева), кружковцы череповецкого Дворца пионеров (руководитель Н.Я. Деревягина).

В связи с подготовкой к 200-летнему юбилею поэта появились публикации, посвященные судьбе родовой усадьбы матери поэта А.Г. Бердяевой. Вот что писал о значении

усадьбы В.А. Кошелев в статье «Питая горьки размышления»... (1980): «...батюшковское Хантаново — мемориальная ценность громадной величины, равнозначное Михайловскому Пушкина на Псковщине, Мишенскому Жуковского под Белевом, Овстугу Тютчева на Брянщине, Красному Рогу А.К. Толстого там же, Абрамцеву и Муранову под Москвой, Ясной Поляне под Тулой, Тарханам, Болдину, Спасскому-Лутовинову... Но там-то теперь музеи, туда ездят люди, любящие культуру...».

10 октября 1989 года усилиями череповчан, в том числе студентов ЧГПИ, учащихся и преподавателей Мяксинской школы, были посажены две аллеи: одна из шаровидных ив, другая из великолепных лип. «И сразу ожила холм, ожила местность, прилегающая к нему», — писал об этом событии общественный корреспондент К. Кренделев. Вот о чем мечтали тогда В.А. Кошелев и Р.М. Смирнов: «...пруд вычистим, посадим вокруг него сирень, дом восстановим, тут разобьем клумбы, здесь посадим розы».

Накануне 210-летия со дня рождения К.Н. Батюшкова кандидат педагогических наук Ю.С. Широковский обратился к вопросу продолжения работ в парке. В письме к автору этих строк от 4 марта 1997 года он писал: «У меня к Вам, Валентина Дмитриевна, величайшая просьба: не могли бы Вы, опираясь на спонсоров, «сделать», «выковав» руками мастеров (на века!), надписи из металла на Хантановском Камне?! Вот такая великая, нелегкая просьба... Бог в помощь!».

Идея создания мемориальной доски объединила людей, хорошо понимающих, что строить цивилизованный мир невозможно без сохранения духовных ценностей,

без заботы о культурном наследии, что только духовность делает нас мудрее, сильнее, чище, что «усадьба Батюшкова в Хантанове, сохранившись она до наших дней, имела бы огромное мемориальное, историко-культурное, научное и вообще человеческое значение...» (В.А. Кошелев)

От замысла автора идеи — «сделать надписи на камне» пришлось отказаться по нескольким причинам. Учитывая трепетное отношение жителей Хантанова, для которых камень имеет мифологическое значение, боясь испортить его, решено было установить мемориальную доску рядом с камнем. Так была выполнена воля поэта, который завещал в «Эпитафии»:

Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: он был, и нет его!

19 августа 1997 года, спустя 190 лет со времени первого приезда К.Н. Батюшкова в Хантаново, выполняя волю поэта, была установлена мемориальная доска рядом с камнем на границе бывшей родовой усадьбы матери поэта — А.Г. Бердяевой.

23 сентября на церемонию открытия мемориальной доски собрались почитатели таланта поэта К.Н. Батюшкова из Череповца, Мяксы, окрестных деревень. День был хмурым, дождливым. Но в момент, когда открывали полотно, на мемориальную доску опустился прямой, как стрела, солнечный луч. Все восприняли его как божественный знак, о чем семиклассница Лена Дмитриева писала:

Замер день. Как нарисованный
Свет спустился с облаков,
Это солнцем подрисовывал
Дух, парящий высоко.

Что распалось с поколениями,
Всем хотелось возродить,
Древо вырастить из семени,
Чтоб жила здесь память-нить.

На пути, покрытом тернием,
Стало ясно для всех нас:
Хантаново — жизнь вне времени,
Парк поэта — жизнь без времени,
Или просто — жизнь в сердцах.

Усадьбы, литературные «гнезда» всегда были средоточием и носителями русской культуры. Здесь люди получают представление о поэте, о единстве природы и искусства, о поэтичности мира.

Возрождение родовой усадьбы матери поэта К.Н. Батюшкова, творчество которого относится к числу неоспоримых ценностей не только русской, но и мировой культуры, — дело большой исторической, культурной значимости.

Чтобы уберечь от забвения заповедное место, сыгравшее огромную роль в становлении Батюшкова — поэта, в нравственном воспитании людей многих поколений, решено было устраивать в День его рождения (29 мая) праздник «Отечески Пенаты». Устроители первого праздника (Управление по делам культуры, Управление образования города Череповца) ставили цель — сформировать общественное мнение вокруг этого уникального памятника, пропагандировать жизнь и творчество замечательного поэта.

Праздник «Отечески Пенаты» в Хантанове, ставший традиционным, вызывает у гостей большой интерес. В 1998 году его предваряли многочисленные конкурсы, ор-

ганизованные Управлением образования и Управлением по делам культуры города Череповца: среди исполнителей произведений К.Н. Батюшкова и поэтов пушкинской поры, юных сочинителей, музыкантов, художников, исследователей жизни и творчества поэта. Более пятисот победителей были отмечены дипломами, лучшие стали участниками итогового праздника в ДК «Аммофос», где зрители принимали их с неменьшим восторгом, чем профессионалов. «Это был праздник души», — так благодарили они исполнителей.

Центральным стал, безусловно, праздник в Хантанове, на который собрались почитатели таланта К.Н. Батюшкова из Череповца и Череповецкого района. Вологду представлял писатель, журналист В.И. Аринин, автор только что вышедшей книги «Неразгаданные тайны».

Главным событием праздника стало освящение мемориальной территории, сопровождавшееся церковными песнопениями в исполнении духовного хора. У многих в памяти остался момент, когда на собравшихся у мемориальной доски людей обрушился поток дождя и отец Георгий Трубицын предложил подождать минут пять. Ждали с нетерпением. Не прошло и пяти минут, как сквозь толщу облаков прорвались солнечные лучи, дождь закончился, будто сама природа благословляла, подавая добрый знак.

На лугу, пестреющем цветами, завораживало выступление ансамбля «Красота» Училища искусств и ремесел им. В.В. Верещагина города Череповца. Название ансамбля оправдывалось всем: красивыми костюмами из эпохи Батюшкова, пением, танцами, традиционными русскими играми, когда зрители и актеры выступают вместе.

Венцом праздника стала инсценировка «Возвращение Батюшкова из военного похода». Роль его блестяще исполнил член исторического клуба, артист Камерного театра города Череповца — Николай Филатов. Смолкли звуки музыки, когда внизу под холмом увидели седока на белом коне в форме участника войны 1812 года, в которой Батюшков, как известно, принимал участие. Хлебом и солью, песнями и танцами встретили его девушки из ансамбля «Красота», юные артисты фольклорного коллектива села Воскресенское, артисты Дома культуры села Мякса.

Долго не смолкали звуки музыки. Играли гармони, звучали песни, частушки, сопровождавшиеся танцами, плясками.

Неизменным успехом во время праздника пользуется выступление специалистов военно-исторической реконструкции из города Череповца. В 1998 году они продемонстрировали некоторые приемы строевой подготовки, владения оружием, ведения боя времен войны с французами 1812–1814 годов, а в 1999 году по обоим берегам реки Мяксы разыгралось сражение. Перед зрителями предстало необыкновенное зрелище — театрализованный бой. Пороховой дым застилал все вокруг, слышались выстрелы, суетились «санитары», действовала «разведка», а в ходе атаки были «раненые» и «убитые». Исход сражения, как в сказке со счастливым концом: в нем нет победителей и побежденных, а есть довольные и радостные.

Сценаристом и ведущим праздника был преподаватель ЧГУ А.Н. Волков, а фотокорреспондентом — В.Л. Леонтьев.

И, может быть, вереницы людей, пришедших, приехавших на праздник, и та ат-

мосфера добра и красоты, которая царила там, позволяли говорить более уверенно и тем, кто стоял у истоков возрождения парка (Лавров Л.В.), и администрации района: быть «беседке муз», «быть книге воспоминаний о Хантанове».

В 2000 году вспоминали о Батюшкове — воине, а главным событием была предзапечатка дипломной работы — макета «Возрождение усадьбы К.Н. Батюшкова Хантаново», выполненного выпускницами художественно-графического факультета ЧГУ Васильевской Н.В., Забугиной Е.В. (руководитель Медведев Д.В., консультант Чусова В.Д.). «У этого проекта большое будущее», — так отозвался о нем первый заместитель мэра г. Череповца В. Выдрин во время торжественного подведения итогов городского конкурса на лучшую научную работу студентов ЧГУ «Череповец–XXI век».

Сегодняшний день усадьбы — это значительное продвижение в вопросе ее возрождения.

Созданная в 2000 году районная общественная организация «Батюшковское общество» разработала семилетнюю программу к 220-летию со дня рождения поэта. Она включает следующие разделы: «Научно-исследовательская деятельность», «Благоустройство территории мемориально-усадебного парка», «Посадки и уход за насаждениями», «Издательская деятельность», «Творческие мероприятия». В реализации данной программы принимали участие Департаменты культуры, образования, природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области, Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина.

Благодаря успешному сотрудничеству «Батюшковского общества» с учебными заведениями Череповца, Вологды, в 2001 году было проведено натурное обследование территории Хантановского парка. Результатом работы студентов естественно-географического факультета ВОГТУ, а также группы учащихся Мяксинской школы (руководители: к.б.н. доцент кафедры ботаники ВГПУ им. Н.Н. Репина, учитель биологии Мяксинской школы Е.П. Косарева) были рекомендации по благоустройству парка. Следуя им, заложена новая аллея лип, так как аллея из шаровидных ив уже более 20 лет (их век недолог — чуть более 30 лет). Участницей экспедиции 2001 года Т.В. Сусловой, студенткой архитектурного факультета ВОГТУ в 2003 году был подготовлен дипломный проект «Возрождение Хантанова». Члены Государственной комиссии высоко оценили проект, отвечающий всем современным требованиям. Общественная защита его состоялась во время праздника «Отечески Пенаты». На международном конкурсе в Брюсселе проект занял 1 место, автор отмечена грантом.

Члены «Батюшковского общества», воплощая в жизнь идеи проекта, установили в парке «беседку муз», которая теперь служит своего рода организующим центром парка. На основе этого проекта шло и благоустройство территории вокруг «беседки муз». В ежегодных работах по благоустройству принимали участие школьники г. Череповца и Череповецкого района, учащиеся ТУ №38, лицея №2 им. акад. Бардина, студенты филологического и биологического факультетов ЧГУ. Особая роль в организации работ принадлежит коллективу учителей и уча-

щихся Мяксинской школы, сельской администрации п. Мякса, Литературному музею МОУ «Дворец детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой» г. Череповца.

В последнее десятилетие произошли значительные изменения не только на земле Батюшкова. Они благотворно сказались на духовной жизни. Батюшковское слово нашло отклик у поэтов, художников, юных исследователей жизни и творчества К.Н. Батюшкова. Передвижная выставка работ молодых художников ЧГУ (специальность «Изобразительное искусство», руководитель — доцент В.И. Филиппова), выставка фотокартин Андрея и Марины Кошелевых, выступление членов НОУ Дворца творчества им. А.А. Алексеевой на литературных чтениях, конкурсах, конференциях (городских, российских, международных), областной олимпиаде «Мир через культуру» — яркое тому подтверждение.

Членами «Батюшковского общества» подготовлены и выпущены в свет издания: буклек «К.Н. Батюшков» (2001), книги: «Батюшков: исследования и материалы» (2002), «Посвящение Батюшкову» (2005), «Собрание пестрых глав»: о К.Н. Батюшкове и Хантанове» (2007).

«Чудотворец Батюшков», как его назвал Пушкин, совершил чудесные открытия в русской поэзии и продолжает творить чудо своим поэтическим словом, которое объединяет разных по возрасту и роду занятых людей, стремящихся возродить былую красоту этой земли.

Многие поколения людей, выросших в окрестностях усадьбы, именно здесь получали первые уроки любви к природе, к красоте. Вот

почему и сегодня в их воспоминаниях звучат слова: «В барский сад тянуло неудержимо».

Участие церкви в духовной работе поувековечиванию памяти К.Н. Батюшкова продолжается. В 2009 году родилась новая традиция: праздник «Отечески Пенаты» в день рождения поэта начинается в бывшем храме Рождества Христова (Мякса), где отец Владимир Беляев предваряет нравственной проповедью панихиду по членам семьи Батюшковых. Такое начало — своеобразный камертон ко всему празднику. Высокий настрой сотен зрителей сохраняется и во время сражения. Чувство патриотизма объединяет людей разных поколений. Общее настроение на одном из

праздников ярко выразил мальчик (3-4 лет), сидевший на плечах у отца: «Ты видел, папа, как наши наподдавали французам». А место у заветного камня на границе Хантановского парка стало своеобразной площадкой для выступления поэтов, музыкантов. И, когда праздник заканчивается, в «беседке муз» продолжают звучать стихи, песни, романсы.

Побывать в Хантанове на празднике «Отечески Пенаты» — значит открыть для себя уникальную судьбу бывшей дворянской усадьбы, прикоснуться умом и сердцем к личности и творчеству поэта, чей безупречный художественный вкус, жемчужные строки стихов покоряют до сих пор.

Литература

1. Батюшков К.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1 / М. — 1989. — 512 с.
2. Батюшков К.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2 / М. — 1989. — 720 с.
3. Константин Батюшков: Эпоха. Поэзия. Судьба. / Вологда. — 2008. — 320 с.
4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. / М.: Республика. — 1996. — 336 с.
5. История в лицах: историко-культурный альманах. Вып. 1. / Череповец: ЧГПИ. — 1993. — 240 с.
6. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. / М.: Современник. — 1987. — 352 с.
7. Кошелев В.А. Питая горьки размышления // Коммунист. — 1980. — №50. — 351 с.
8. Кренделев К. Осень в Хантанове. // Ударная стройка. — 1989. — № 125.
9. Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. / М.: Аграф. — 2001. — 360 с.
10. Хантаново в воспоминаниях и документах. «Собранные пестрых глав»: о К.Н. Батюшкове и Хантанове. / Череповец: Порт-Апрель. — 2007. — 176 с.
11. Посвящение Батюшкову. / Череповец: Порт-Апрель. — 2005. — 96 с.
12. Родословие вологодской деревни: список древнейших деревень — памятников истории и культуры / Сост. Колесников П.А., Димони Т.М. / — Вологда. — 1990. — 171 с.

